

Litera

Правильная ссылка на статью:

Денисов А.Ю. А.П. Чехов в школьном и вузовском преподавании 2000-х–2010-х гг.: дискуссия в «Чеховском вестнике» // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71547 EDN: OOHGSO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71547

А.П. Чехов в школьном и вузовском преподавании 2000-х–2010-х гг.: дискуссия в «Чеховском вестнике»

Денисов Александр Юрьевич

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Колмогорова, 1

✉ audenisov@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71547

EDN:

OOHGSO

Дата направления статьи в редакцию:

18-08-2024

Дата публикации:

25-08-2024

Аннотация: Предметом исследования являются особенности и основное содержание представленной на страницах информационно-библиографического издания "Чеховский вестник" в 2000–2010-е гг. дискуссии о проблемах преподавания творчества А.П. Чехова в постсоветских средних и высших учебных заведениях. Проблема необходимости создания новых, адекватных постсоветской социокультурной ситуации учебных и методических пособий, а также проблема распространения научного знания о жизни и творчестве А.П. Чехова привлекла внимание ведущих современных чеховедов, побудила их к созданию новых учебных материалов, организации специальных конференций и в целом к дискуссии по данной проблеме. Дискуссия позволяет судить о новейших проблемах и вызовах как академического чеховедения (и в целом литературоведения), так и школьной практики преподавания творчества А.П. Чехова и

литературы в целом. Анализ материалов, представленных на страницах информационно-библиографического издания "Чеховский вестник", позволяет увидеть особенности динамики данной дискуссии и современного чеховедения в целом. Основной вывод данного анализа состоит в том, что с изменением социокультурной ситуации с рубежа 1990-х–2000-х по конец 2010-х гг. менялись и те вызовы, на которые пытались ответить в том числе сообщество ученых-чеховедов. В начале 2000-х появление новых учебников в то же время сопровождалось проблемой их труднодоступности, особенно в провинции; широкое распространение интернета к концу 2000-х – началу 2010-х отчасти решило эту проблему, однако создало новую: на смену недоступности качественной информации пришло снижение уровня культуры чтения и критического мышления у школьников/студентов и зачастую у учителей/преподавателей. Снижение общего культурного уровня приводит к усилению разрыва между академическим литературоведением и школьной практикой и усилению межпоколенческого культурного разрыва, попытки ученых-чеховедов влиять на школьное изучение Чехова и вообще русской литературы сталкиваются с проблемой непопулярности, невостребованности научного гуманитарного знания в обществе.

Ключевые слова:

Антон Павлович Чехов, чеховедение, преподавание литературы, учебная литература, русская классическая литература, школьный литературный канон, чтение, литературное образование, постсоветская Россия, система образования

В 1990-е гг. в России возникла потребность в новом освещении жизни и творчества А.П. Чехова (как и всей истории русской литературы) в учебной литературе для студентов и школьников и в методической литературе для преподавателей. Связано это было, во-первых, с распадом СССР и отказом от прежних идеологических догм, а во-вторых, с необходимостью учесть значительнейшие достижения отечественного чеховедения в 1970-е–1980-е гг. (издание ПССП, исследования З.С. Паперного, Э.А. Полоцкой, А.П. Чудакова, В.Б. Катаева, И.Н. Сухих и др.). На рубеже 1990-х–2000-х гг. появилось сразу несколько новых вузовских и школьных учебников по истории русской литературы с разделом о Чехове, а также несколько пособий, посвященных преподаванию Чехова в школе.

В 2001 году издательством МГУ был опубликован учебник по истории русской литературы 1870-х–1890-х гг. под редакцией В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой и В.Б. Катаева, главу о Чехове для него написал В.Б. Катаев. Акцент в главе сделан на мировом значении и мировом признании чеховского творчества (понять А.П. Чехова – значит «прежде всего объяснить, благодаря чему его творчество приобрело всемирное и все возрастающее признание» [\[1, с. 551\]](#)), его «универсализме» [\[1, с. 551\]](#). В.Б. Катаев приводит базовую для исследователя Чехова литературу (ПССП, сборники «Чехов в воспоминаниях современников», 68-й и 100-й тома «Литературного наследства» и т.д.), а также впервые в учебном пособии обозначает специфику советского чеховедения, его проблемы и ограничения, наиболее отчетливо проявившиеся в официально признанных работах В.В. Ермилова [\[1, с. 552–554\]](#). 1970-е гг. автор главы характеризует как «перелом», связанный с подготовкой ПССП, работами А.П. Чудакова, Э.А. Полоцкой, Т.К. Шах-Азизовой и др. и поддержанный в 1980-е–1990-е исследованиями И.Н. Сухих, А.С. Собенникова, Р.Е. Лапушина и др. [\[1, с. 554–555\]](#). Кроме того, В.Б. Катаев выделяет некоторые лакуны в чеховедении, а также упоминает зарубежные школы чеховистики [\[1, с. 554–555\]](#). Таким

образом, постсоветский студент впервые получил, во-первых, краткий обзор истории становления и развития чеховедения от зарождения в конце XIX в. до конца XX в., а во-вторых, представление о новейших исследованиях и современном состоянии науки о жизни и творчестве А.П. Чехова. При анализе ранних юмористических рассказов В.Б. Катаев, как кажется, склоняется к характерной для советского периода социологизирующей интерпретации и пишет, что рассказы «Унтер Пришибеев» и «Хамелеон» могут служить «образцами социальной сатиры времен Александра III» [1, с. 566–567], однако далее выходит за рамки узкосоциологического истолкования, отмечая, что в «Смерти чиновника», «Хамелеоне», «Унтере Пришибееве» автор «рассматривает очередную разновидность стереотипа, шаблона мышления и поведения» [1, с. 567]. В.Б. Катаев опирается на собственную концепцию, предложенную впервые еще в «Прозе Чехова: проблемы интерпретации» (1979), когда пишет, что «ложность представлений, которые кажутся их носителям абсолютной правдой, будет показывать Чехов в большинстве своих произведений» [1, с. 567] и что «пестрота мира в ранних чеховских произведениях – это понятая и запечатленная писателем пестрота различных видов осознания мира и ориентации в нем» [1, с. 568]. Социологизирующей, в духе советского чеховедения, можно считать трактовку В.Б. Катаевым пьесы «Иванов», в которой, как считает автор главы, А.П. Чехов «откликается на ситуацию, прямо подсказанную эпохой 80-х годов. <...> Как герой его пьесы, считал Чехов, все русское интеллигентное общество от «возбуждения» двух предшествующих десятилетий пришло в 80-е годы к «утомлению», утрате прежних верований» [1, с. 578]. Так же узкосоциологически интерпретируется «Человек в футляре», в котором, по мнению автора главы, писатель дает «краткую, точную, сатирическую, порой гротескную характеристику жизни всей русской интеллигенции и вообще России в только что закончившееся царствование Александра III» [1, с. 587]. Отчасти социологизирование характерно и для интерпретации В.Б. Катаевым «Вишневого сада», в котором, по мнению исследователя, драматург «зафиксировал то состояние русского общества, когда от всеобщего разъединения, слушания только самих себя до окончательного распада и всеобщей вражды оставался лишь один шаг» [1, с. 611], т.е. главной идеей пьесы автор главы считает предощущение, ожидание социальных катаклизмов. Интересно подкрепляющее важную для В.Б. Катаева концепцию Чехова как автора всемирного сопоставление «Скучной истории» с «Фаустом»: «ученый, достигший вершин своей науки, разочарован в прожитой жизни» [1, с. 581]; «духовные искания своего современника Чехов ставил в ряд духовных исканий человечества» [1, с. 581]. Спорным представляется решение автора главы (и редактора учебника) включить в список рекомендуемой литературы биографию А.П. Чехова, написанную Д. Рейфилдом («Anton Chekhov — A Life», 1997), о недостатках которой писали и сам В.Б. Катаев, и другие исследователи. В целом В.Б. Катаеву удалось представить жизнь и творчество А.П. Чехова адекватно новой, постсоветской, социокультурной ситуации, несмотря на некоторое тяготение в интерпретации чеховского творчества к характерному для советского чеховедения социологизированию.

В том же 2001 году был издан учебник для вузов по истории русской литературы XI–XIX вв. под редакцией В.И. Коровина и Н.И. Якушина, адресованный студентам негуманитарных специальностей; главу об Чехове для него написал П.Н. Долженков. Анализ произведений А.П. Чехова в этой главе иногда подменяется их пересказом: так происходит со «Скучной историей», «Палатой №6», «Случаем из практики». На наш взгляд, когда автор главы пишет, что в художественном мире Чехова «счастье и радость кратковременны, а чаще всего они – несбыточная мечта. Сумеречные настроения,

томление в оковах жизни, непрерывное тихое страдание – это и есть едва ли не сама суть жизни»; что у Чехова «серость, пошлость, грубость, враждебность, нелепость – неизменные атрибуты жизни, изначальные ее характеристики. <...> такова жизнь» [3, с. 554], он лишь воспроизводит наиболее общие места скептически настроенной по отношению к А.П. Чехову прижизненной критики. В действительности художественный мир А.П. Чехова более разнообразен и сложен, сам П.Н. Долженков отмечает далее, что «даже в самых невеселых произведениях писателя всегда есть хотя бы слабый луч надежды на то, что возможна иная жизнь, и мечта о ней. Как бы ни была тяжела жизнь, но она все-таки не состоит только из пошлости, скуки, страданий и зла» [3, с. 554]. К сожалению, издание не снабжено ссылками на упоминаемую и цитируемую литературу, и студент, прочтя, что «следует согласиться с мнением Л.Я. Гинзбург о том, что писатель воплощал в них сознание и мироощущение своей эпохи» [3, с. 555] не знает, где искать у Л.Я. Гинзбург эту мысль. Автор главы ссылается на концепцию своего учителя В.Б. Катаева, отмечая важнейшую в творчестве А.П. Чехова «гносеологическую проблематику» [3, с. 557]. Необходимо отметить иногда встречающееся в главе ложное отождествление мировоззрения А.П. Чехова-человека и идеи в художественном мире Чехова-писателя, например: «Свобода, справедливость, объективность, скептицизм по отношению ко всем существующим в его время «общим идеям» и поиски «настоящей правды», неведомой людям, — вот краеугольные камни мировоззрения и творчества Чехова» [3, с. 560]. Интерпретируя рассказ «Человек в футляре», П.Н. Долженков ведет скрытую полемику с В.Б. Катаевым (и с официальными советскими интерпретациями этого произведения): автор главы соглашается с тем, что в формировании «человека в футляре» «большую роль сыграла эпоха реакции», но настаивает, что этот образ «гораздо шире, нежели отражение реакции, которая к моменту написания рассказа была уже позади» [3, с. 564]. Ключевая тема этого рассказа, по мнению исследователя, – страх перед жизнью, который «часто бессознательный, является одной из важнейших движущих сил поведения и ориентации человека в мире в прозе Чехова» [3, с. 566]. Взамен узкосоциологическому истолкованию П.Н. Долженков делает акцент на интересе А.П. Чехова к тому, как люди (персонажи) мыслят и поступают в связи с теми или иными переживаниями. Наиболее подробно автор главы анализирует чеховскую драматургию, предлагая как весьма интересные и оригинальные наблюдения (например, о символизме «Дяде Вани»: «Ситуация «жизнь, уходящая неизвестно на что», весь ужас которой заключается в том, что все лучшее в нас, все жизни человеческие уходят неизвестно на что, в зияющую пустоту по имени профессор Серебряков, — универсальная ситуация пьесы, и Серебряков начинает восприниматься как фигура символическая, как символ неведомого человеку мира» [3, с. 579-580]), так и те, согласиться с которыми трудно либо в силу отсутствия примеров из текста (утверждение, что в «Трёх сёстрах», «создавая образ жизни-страдания, Чехов в неявном виде использует даже образы дантовского ада» [3, с. 581]), либо в силу противоречия их известному о чеховской поэтике (утверждение, что в тех же «Трёх сёстрах» драматург «утверждает жизненную позицию своих героинь как единственно достойную человека в жизни-страдании. Ее можно охарактеризовать как мужественный стоицизм» [3, с. 581]; сам же П.Н. Долженков далее добавляет, что у Чехова «никогда не бывает однозначности» [3, с. 581]). Полемичным по отношению анализу В.Б. Катаева и к советскому чеховедению в целом можно считать и интерпретацию П.Н. Долженковым «Вишневого сада», содержание которого, как отмечает автор главы, нельзя сводить только к «неумолимому историческому процессу развития капитализма в России», как это принято [3, с. 582]. Как замечает исследователь, ко времени создания пьесы «в социальном отношении комедия... была не очень-то

актуальной, не была она и новостью для литературы» [\[3, с. 582\]](#). Однако автор главы не предлагает достаточно внятной и развернутой иной интерпретации пьесы. Исследователь утверждает, что в «Вишневом саде» представлены «легкомысленные, растерянные, плохо отдающие себе отчет в том, что происходит, и в том, что они делают, похожие на детей люди», которые «изображены на фоне громадного мира и неумолимого, всепожирающего времени» и «претендуют на то, чтобы быть хозяевами этого мира, переделывать его согласно своим представлениям» [\[3, с. 582\]](#). Разве Раневская и Гаев «претендуют на то, чтобы быть хозяевами этого мира, переделывать его согласно своим представлениям»? Несмотря на отдельные спорные положения, глава о Чехове, написанная П.Н. Долженковым, еще в большей степени, нежели работа В.Б. Катаева, предлагает новый, отличающийся от характерного для советского периода, взгляд на жизнь и творчество А.П. Чехова.

В 2003 году был опубликован учебник по истории русской литературы XIX века для 10 классов гуманитарного профиля с главой о Чехове, подготовленной Р.Б. Ахметшиным. Важная особенность, отличающая этот учебник от многих других, состоит в том, что вопросы для размышления, предлагаемые в конце каждого параграфа, предполагают не пересказ (обобщение) только что прочитанного, как это принято в такого рода изданиях, а действительно размышление: прямых ответов на эти вопросы в тексте главы нет. Некоторые вопросы весьма сложны, предполагают высокий уровень филологической подготовки и просто высокий культурный уровень школьника, например: «В чем, по вашему мнению, проявляется основное достоинство короткого рассказа? Какие изобразительные возможности открывает стремление к лаконизму?» [\[4, с. 401\]](#); «Как отношение к памяти позволяет нам распределить образы героев в системе персонажей [в «Чайке»]?» [\[4, с. 413\]](#); «Представьте себе, что рассказ «Спать хочется» написан на основе реальных событий. Как можно охарактеризовать мастерство Чехова-психолога? Насколько удачно, по вашему мнению, проникновение в сознание девочки Варьки?» [\[4, с. 401\]](#). В изложении биографии А.П. Чехова встречаются некоторые неточности: автор главы пишет, что первые признаки чахотки появились в 1888 году [\[4, с. 413\]](#), однако первое кровохарканье произошло четырьмя годами ранее, о чем Чехов писал в письмах в декабре 1884-го (Н.А. Лейкину от 10 декабря, П.А. Сергеенко от 17 декабря); о семье Чеховых: «...пятеро детей, а надеждой, утешением родителям всегда был только Антон» [\[4, с. 402\]](#) – детей в семье было шестеро (Александр, Николай, Антон, Иван, Мария, Михаил). Как и в главе, написанной П.Н. Долженковым, в тексте Р.Б. Ахметшина некоторые произведения А.П. Чехова лишь пересказываются («Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Злоумышленник», рассказы «маленькой трилогии») или упоминаются («Хамелеон», «Унтер Пришибеев»). В параграфе «Формирование стиля» автор высказывает некоторые общие суждения о стиле А.П. Чехова, но практически не подкрепляет их конкретными примерами, из-за чего они могут остаться для школьника «абстракциями» («импрессионизм», «натурализм» Чехова и т.д.) [\[4, с. 424–428\]](#). Не вполне ясно, почему, по мнению автора главы, рассказ «Студент» может быть понят как «свидетельство полного равнодушия автора к изображаемым героям и идеям, хотя автор сам упоминал его в качестве доказательства своего глубокого интереса к изображаемому, интереса к жизни и т.д.» [\[4, с. 429\]](#). Если П.Н. Долженков считал главной темой «маленькой трилогии» – страх человека перед жизнью, то Р.Б. Ахметшин, тоже уходя от узкосоциологической трактовки, называет «лейтмотивом «маленькой трилогии»» «ощущение загубленной жизни» [\[4, с. 436\]](#). Однако частично к социологизированию тяготеет интерпретация автором главы «Палаты №6», в которой, по его мнению, автор

«ставит проблему социального устройства и показывает, что общество, халатно относящееся к больным людям, действительно порочно – но разлагается» [4, с. 443]. Это так, но разве не более важна философская («гносеологическая») проблематика повести? Как и В.Б. Катаев, Р.Б. Ахметшин подчеркивает укорененность чеховского наследия в мировой культуре, говоря о влиянии чеховского способа изображения сумасшествия на модернистское «изображение абсурда «нормальной» человеческой жизни (Кафка, Беккет и др.)» [4, с. 446]; отдельный параграф также посвящен «Чехову и «новой драме»» (Г. Ибсен, А. Стриндберг, Б. Брехт). На наш взгляд, когда автор главы пишет о скептицизме А.П. Чехова («Доктор Чехов знал, что болезнь подтачивает физические и психические силы человека и лечение ее требует изоляции. Продолжительные недуги и боли лишают человека свободы и поэтому являются несправедливостью природы. Однако данное противоречие является неразрешимым и становится одним из оснований чеховского скептицизма» [4, с. 447]), имеет место то же, что иногда у П.Н. Долженкова, неразличение личности (мировоззрения) автора с возможной идеей конкретного художественного произведения. Спорным представляется обращение автора главы, не являющегося медиком, к медицинской терминологии при анализе образа Лиды Волчаниновой («Дом с мезонином»), которая, «видимо, своей социальной активностью... компенсирует некое расстройство невротического происхождения...» [4, с. 449]. Как и П.Н. Долженков, наиболее подробно и всесторонне Р.Б. Ахметшин анализирует чеховскую драматургию («Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад»). Что касается анализа «Трех сестер», спорным нам представляется лишь утверждение, что в этой пьесе «добиваются цели только Наташа и Соленый» [4, с. 483]: Соленый не получает и не может получить любовь Ирины, которая, видимо, была ему нужна. Относительно «Вишневого сада» мы не можем согласиться с утверждением автора главы, что «утрата ощущения реальности... делает героев сознающими, они извлекают из этого более или менее последовательные выводы» [Ахметшин, 2003: 490]. Всё, что делают действующие лица в финале комедии, на наш взгляд, является скорее реагированием на новые обстоятельства, чем сознательным, активным действием, поступком. После текста главы предложены темы рефератов, для каждой расписаны цель и рекомендуемый план и предложен небольшой список литературы. Завершает главу обширный (21 пункт) список рекомендуемой литературы, при этом каждая позиция снабжена авторской аннотацией. Текст, написанный Р.Б. Ахметшиным, предлагает школьникам действительно глубокое погружение в биографию и творчество А.П. Чехова, но и требует от тех углубленных знаний и углубленного интереса.

На работы В.Б. Катаева, П.Н. Долженкова и Р.Б. Ахметшина откликнулась рецензией в «Чеховском вестнике» (2003, № 12), озаглавленной как «Размышления провинциального педагога на полях столичных учебников», О.М. Скибина. Действительно, как оговаривает автор статьи, текст представляет собой не рецензию в строгом смысле (с подробным анализом достоинств и недостатков рецензируемых изданий), но именно размышление по поводу них. О.М. Скибина фиксирует отличие ситуации начала 2000-х гг. от ситуации 1990-х гг.: «Если десять лет назад перед нами стояла проблема: где взять новый учебник, то теперь мы в таком же раздумии: какой предпочесть?» [6, с. 12]. Однако автора статьи интересуют не только учебные и методические пособия, но и – шире – практика преподавания творчества А.П. Чехова в вузе и в школе. Пытаясь ответить на вопрос «почему студенты не любят Чехова», О.М. Скибина отмечает, что Чехова «всю жизнь изучают на бегу» (имеется в виду нехватка академических часов и расположение темы «жизнь и творчество А.П. Чехова» в конце программы 10 класса/курса истории русской литературы 3-й трети/второй половины XIX века), из-за

чего он остается «вроде бы классиком, но каким-то не совсем настоящим, под-конец семестровым» [6, с. 13]; а в учебниках – штампы, клише: «поиски давно искомой и обретенной формулы завершаются цитированием общеизвестного, а потому и правильного» [6, с. 13]. Затем автор статьи переходит к проблеме репрезентации жизни и творчества А.П. Чехова в учебной литературе и замечает, что наиболее острой проблемой для пишущих «остается проблема языка и методологии: как описать уже неоднократно описанное?..» [6, с. 14]. О.М. Скибина отмечает специфический, устаревший язык учебников прежней эпохи, в которых Чехов «или маленький Толстой, или, напротив, великий и могучий – своего рода начальство, вот только рассказы писал небольшие. А все потому, что формулу придумал: «Краткость – сестра таланта»» [6, с. 14]. Автор статьи приводит из «неплохого, в общем, учебника В.И. Кулешова» цитаты, которые, как она отмечает, «коррозированы языковыми штампами, которые... не дают возможности увидеть и почувствовать Чехова» [6, с. 14]. Формулировки, приводимые автором статьи, косноязычны или наивны, и потому смешны: ««Чехов отдал дань развлекательной литературе»; «Какою же мыслью руководствовался Чехов, решив посетить Сахалин?»; «Отыскиваемая Чеховым общая идея вела к народу»; «Чехов решительно выступил против народнического преклонения перед мужиком»; «В Чайке много любви, т.е. показано, как заполонило это могучее чувство всех героев»; «Чехов не дожил до появления романа Горького «Мать»» и т.п.» [6, с. 14]. Другая проблема, которую поднимает О.М. Скибина – проблема доступности хороших учебников в провинциальных школах, вузах и библиотеках: так, хороший, по мнению автора статьи, учебник Н.Н. Скатова, раздел о Чехове в котором написан Г.А. Бялым (для второго издания переработан В.М. Марковичем), изданный «в смутное время» рубежа 1980-х–1990-х гг. «просто не дошел, по крайней мере, до провинции» [6, с. 14–15]. Учебник, главу о Чехове для которого написал П.Н. Долженков, О.М. Скибина в целом оценивает высоко, однако отмечает, что, вероятно, в силу неясности адресата учебника, автор главы пошел по пути упрощения материала, «по проторенному пути пересказа чеховских произведений скучным языком, полным тех же стилистических штампов, что и у его предшественников» [6, с. 15]. В основном критикуется стиль, в котором написана глава. Говоря о главе, написанной В.Б. Катаевым, О.М. Скибина особо отмечает полноту характеристики «периода многописания» (1884–1888), который в «старых учебниках» «либо не освещался, либо упоминался вскользь... и, в представлении студентов, Чехов «осколочный», написав «Степь», сразу становился Чеховым «области серьезза»» [6, с. 17–18]. Также О.М. Скибина отмечает внимание В.Б. Катаева к сложной, но важной связи литературного творчества А.П. Чехова с его медицинским образованием и практикой [6, с. 18]. Отмечает автор статьи и «столь малый тираж» и этого учебника, который «вновь не дойдет до провинциальных филологов и нефилологов» [там же]. Высоко оценивает О.М. Скибина главу, написанную Р.Б. Ахметшиным, отмечая лишь «мелкие стилистические недочеты, относящиеся в большей степени к редакторской правке» и вновь сожалеет о труднодоступности новых учебников в силу небольшого тиража [6, с. 19–20].

Как видим, в начале 2000-х гг. проблема создания адекватного времени описания жизни и творчества А.П. Чехова в учебной литературе отчасти была решена – новые учебники, пусть и весьма разные, появились, однако само их появление не могло радикально изменить практику преподавания.

В 2006 году коллективными усилиями ученых-чеховедов была организована первая (затем она станет проводиться регулярно) Летняя школа «Читаем Чехова» для учителей

литературы. Занятия для 18 преподавателей городских и сельских школ провели чеховеды Р.Б. Ахметшин, Л.Е. Бушканец, Ю.В. Доманский, О.М. Скибина, Л.И. Соболев. Е статья в «Чеховском вестнике» (2006, № 19) И.Е. Гитович подробно описала этот первый опыт. Она начинает статью с утверждения, что к концу 20-го – началу 21-го вв. А.П. Чехов «выпал из круга активного чтения. Впрочем, не только он, но и вся русская классика XIX века» [\[10, с. 117\]](#). Как видим, частная тема – преподавание Чехова в школе – связывается здесь с более широкой темой бытования классической русской литературы в современном российском обществе. Другая волнующая И.Е. Гитович тема – связь между научным чеховедением и школьным: исследовательница задается вопросом, нужны ли школе – «и доходят ли до нее – те филологические истины, которые мы [ученые-чеховеды] по крупицам в меру сил своих добываем, или суждено нам оставаться чем-то вроде средневекового ордена?» [\[10, с. 119\]](#). Перед началом Летней школы учителей попросили заполнить ознакомительную анонимную анкету с вопросами, касающимися преподавания А.П. Чехова в школе. Как отмечает И.Е. Гитович, ответы были «выдержаны в стилистике клише учебных и методических пособий сорока-тридцатилетней давности» [\[10, с. 120\]](#). Это привело исследовательницу к выводу о том, что учителей и учеников, «как правило, разделяет язык, который составляют имеющиеся у тех и других понятия и представления. Он [язык] у них разный» [\[10, с. 122\]](#). Разным оказался и язык школьных учителей и ученых-чеховедов: как пишет автор статьи, учителя ждали «методических образцов, которые можно без особых усилий перенести в свой класс», чеховеды рассчитывали на «готовность слушателей к профессиональному диалогу и хотя бы некоторую общность профессионального языка» [\[10, с. 126\]](#). Тем не менее Летняя школа была проведена, а после нее И.Е. Гитович собрала и представила в статье обратную связь от лекторов. Лейтмотивы этих отзывов, если их обобщить, таковы: 1) ситуация с преподаванием творчества А.П. Чехова (и шире – литературы) в школе напрямую связано с «культурным состоянием», культурным уровнем общества, и решение частной проблемы возможно лишь при решении проблемы общей; 2) между научным чеховедением и изучением жизни и творчества А.П. Чехова в школе существует значительный разрыв, сокращение которого, опять же, возможно только в случае повышения общего уровня школьного образования, а также усиления в обществе запроса на научную картину мира (в т.ч. литературы).

В 2015 году была проведена уже пятая Летняя школа «Читаем Чехова», в том же году в «Чеховском вестнике» (№ 31) была опубликована статья о ней Л.Е. Бушканец. Многие тезисы статьи повторяют то, что уже высказывалось ранее О.М. Скибиной и И.Е. Гитович: нехватка времени на изучение творчества А.П. Чехова, распространенность среди учителей штампов и клише о писателе. Любопытно замечание автора статьи о том, что творчество Чехова, «кажется, не соответствует задачам школьного литературного образования, которое неизбежно строится на нормативных нравственных и эстетических представлениях, нуждается в удобных для слова учителя, для сочинений и экзаменов формулировках» [\[11, с. 92\]](#). (Имеется в виду отсутствие в чеховских произведениях явной дидактики и явно выраженной авторской оценки описанного). Вновь возникает и тема разрыва между академическим и школьным чеховедением: литературоведение «резко ушло вперед от того, каким оно было в своем массовом варианте еще несколько десятилетий назад», чеховедение «стало кардинально разрушать слащавые или социологизированные, упрощенные представления о писателе. А «ермиловщина» возрождается сама по себе в школе, как феникс из пепла!» [\[11, с. 93\]](#). Заканчивается статья призывом: «...как литературоведение не должно существовать без школы – иначе наши открытия нужны только нам самим – так и школьный предмет не должен

развиваться без движения современной мысли о литературе, без свежих открытий, наконец» [\[11, с. 95\]](#).

В 2018 году в итоговом сборнике статей И.Е. Гитович «Итог как новые проблемы. Статьи и рецензии разных лет об А.П. Чехове, его времени, окружении и чеховедении» была опубликована ее статья «О проблемах чтения и «школьной литературе»», ставшая итоговым высказыванием исследовательницы на эту тему. И.Е. Гитович начинает с утверждения, уже высказывавшегося ранее и ей, и другими участниками дискуссии, о том, что «школьный Чехов, как и школьный Пушкин и школьный Булгаков, – это лишь часть общего вопроса о том, что до́лжно делать в школе с литературой» [\[12, с. 359\]](#). На наш взгляд, это можно считать промежуточным итогом дискуссии о Чехове в постсоветской школе и постсоветских вузах. Снова подчеркивается важнейшая роль языкового (культурного) фактора в этой проблеме: современный ребенок «с младенчества вброшен в *принципиально другой язык*, чем тот, который был привычен для старших. <...> к чтению классики сегодняшний школьник приходит с совершенно *другим* чувственным опытом, чем прежде... с опытом других игр, с *другим* словарем... <...> между ним [школьником] и классикой, которую он должен изучать в школе, стоит главная преграда – *разность языков*. <...> Вот с чего надо начинать любой разговор о судьбе школьной литературы. О том, как эту разность языков пытаться преодолеть, необходимо всерьез думать каждому учителю. Вряд ли тут способны помочь методические пособия, на которые его ориентируют» [\[12, с. 362–363\]](#). Как кажется, в конце 2010-х эта проблема стала ощущаться как еще более острая, чем в начале и середине 2000-х. Широкое распространение интернета в конце 2000-х – 2010-е усилило межпоколенческий культурный (в частности языковой) разрыв. Мгновенная доступность практически любой информации и унификация образовательных программ (введение ФГОС и единых рабочих программ по литературе) привели к тому, что «живя как будто бы в свободном мире, сегодняшний среднестатистический школьник за школьные годы не только не успевает дорасти до *своих* вопросов, но отучается вообще их задавать. Зато школа и окружающая жизнь приучают его к *чужим* ответам на *чужие* вопросы» [\[12, с. 362\]](#). Вновь высказывается суждение, что «учителю-словеснику прежде всего нужно честно отрефлексировать собственный читательский опыт и грамотно задействовать эту рефлексию в личных методических стратегиях», поскольку проблема школьной литературы – это «проблема не только ученика, не желающего ее изучать, но и учителя, забывшего или тоже не знающего, как ее читать» [\[12, с. 364\]](#). И вновь звучит уже звучавший ранее вывод о том, что ««дать детям другую среду, другую реальность, к сожалению, никто из нас не может. Она изменится, когда поднимется общая культура общества» [\[12, с. 370\]](#). Возможный путь выхода (хотя бы частичного) из кризиса И.Е. Гитович видит в преподавании русского языка и литература не изолированно друг от друга, как два самостоятельных предмета, а в рамках единого курса русской словесности.

Начавшаяся в «Чеховском вестнике» в начале 2000-х гг. активная дискуссия о проблеме преподавания творчества А.П. Чехова в постсоветской школе и постсоветских вузах показывает, что с изменением социокультурной ситуации с рубежа 1990-х–2000-х по конец 2010-х гг. менялись и те вызовы, на которые пыталось ответить в том числе сообщество ученых-чеховедов. В начале 2000-х появление новых учебников (не во всем совершенных, но всё же в целом выполнявших задачу создания адекватного времени представления жизни и творчества А.П. Чехова) в то же время сопровождалось проблемой их труднодоступности, особенно в провинции; широкое распространение интернета к концу 2000-х – началу 2010-х отчасти решило эту проблему, однако создало

новую: на смену недоступности качественной информации в качестве главной проблемы пришло снижение уровня культуры чтения и критического мышления у школьников/студентов и, зачастую, у учителей/преподавателей. Снижение общего культурного уровня приводит к усилению разрыва между академическим литературоведением и школьной практикой и усилению межпоколенческого культурного разрыва, попытки ученых-чеховедов влиять на школьное изучение Чехова и вообще русской литературы сталкиваются с проблемой непопулярности, невостребованности научного гуманитарного знания в обществе.

Библиография

1. Катаев В.Б. Антон Павлович Чехов / История русской литературы XIX века. 70—90-е годы: Учебник/ Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой, В.Б. Катаева. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 551–613.
2. Rayfield, D. *Anton Chekhov. A life*. London: Harper Collins, 1997.
3. Долженков П.Н. Творчество А.П. Чехова (1860–1904) / История русской литературы XI–XIX вв./ Под редакцией В.И. Коровина, Н.И. Якушина Учебное пособие для вузов. М.: Русское слово, 2001. С. 551–584.
4. Ахметшин Р.Б. Антон Павлович Чехов (1860–1904) / Русская литература XIX века. 10 класс: Учебник для школ и классов гуманитарного профиля.: В 2 ч. Ч. 2. М., Московский лицей, 2003. С. 393–511.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М.: Наука, 1974—1983.
6. Скибина О. Размышления провинциального педагога на полях столичных учебников // Чеховский вестник. М., 2003. № 12. С. 12–20.
7. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века: Учебное пособие / Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Филология». М.: Изд-во МГУ, 1997.
8. Тихомиров С.В. А.П. Чехов / Русская литература XIX века. 10 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 2 / В.И. Коровин, Н.Л. Вершинина, Л.А. Капитанова и др.; Под ред. В.И. Коровина. М.: Просвещение, 2001. С. 282–317.
9. Архангельский А.Н. А.П. Чехов / Русская литература XIX века. 10 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений: в 2 ч. Ч. 2. / А.Н. Архангельский и др.; Под ред. А.Н. Архангельского. 3-е изд., перераб. М.: Дрофа, 2002. С. 400–444.
10. Гитович И. Читаем Чехова. Заметки о Летней школе для учителей литературы // Чеховский вестник. М., 2006. № 19. С. 117–151.
11. Бушканец Л. Можно ли читать Чехова в школе без литературоведа? // Чеховский вестник. М., 2015. № 31. С. 91–95.
12. Гитович И.Е. О проблемах чтения и «школьной литературе» / Итог как новые проблемы. Статьи и рецензии разных лет об А.П. Чехове, его времени, окружении и чеховедении / Сост. Л.Е. Бушканец, Н.Ф. Иванова, Э.Д. Орлов. М.: Литературный музей, 2018. 359–374.
13. Chekhov, A. (1998). *The Comic Stories* / Pitcher, H. (Ed.). London: André Deutsch.
14. Gilman, R. (1995). *Chekhov's Plays: An Opening into Eternity*. London: Yale university press, New Haven.
15. *Chekhov Then and Now: The Reception of Chekhov in World Culture*. (1997). N.Y.: Peter Lang.
16. Gottlieb V., Allain P. (Ed.). (2000). *The Cambridge Companion to Chekhov*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Kataev, V., Pitcher H. (Ed.) (2002). *"If Only We Could Know!" An Interpretation of Chekhov*. Chicago: Ivan R. Dee.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Методика изучения литературы, как правило, должна несколько видоизменяться с течением исторического времени. Нуждается в корректировке и формат подачи материала, и т.н. набор авторов, и принципы оценки художественных текстов. На сегодня работ связанных с указанной научной проблематикой не так много, хотя дискуссии ведутся, да и научное сообщество понимает важность подобных перемен. Не исключается в данном случае преемственность, компилятив. Рецензируемая статья касается оценки вопроса преподавания наследия А.П. Чехова в школьной и вузовской практике 2000-х – 2010-х годов (на материале «Чеховского вестника»). Считаю, что указанная проблема достаточно интересна и достойна рассмотрения в рамках научной работы. Автор использует принцип хронологии, что вполне закономерно, ценз объективности выдерживается на протяжении всего сочинения: например, «в 1990-е гг. в России возникла потребность в новом освещении жизни и творчества А.П. Чехова (как и всей истории русской литературы) в учебной литературе для студентов и школьников и в методической литературе для преподавателей. Связано это было, во-первых, с распадом СССР и отказом от прежних идеологических догм, а во-вторых, с необходимостью учесть значительнейшие достижения отечественного чеховедения в 1970-е–1980-е гг. (издание ПССП, исследования З.С. Паперного, Э.А. Полоцкой, А.П. Чудакова, В.Б. Катаева, И.Н. Сухих и др.)», или «в 2003 году был опубликован учебник по истории русской литературы XIX века для 10 классов гуманитарного профиля с главой о Чехове, подготовленной Р.Б. Ахметшиным. Важная особенность, отличающая этот учебник от многих других, состоит в том, что вопросы для размышления, предлагаемые в конце каждого параграфа, предполагают не пересказ (обобщение) только что прочитанного, как это принято в такого рода изданиях, а действительно размышление: прямых ответов на эти вопросы в тексте главы нет. Некоторые вопросы весьма сложны, предполагают высокий уровень филологической подготовки и просто высокий культурный уровень школьника...» и т.д. Анализ учебников, учебных пособий на уровне «изучение А.П. Чехова» обстоятелен, серьезен и концептуален. Автору удается выделить в анализируемых «учебниках» как положительные моменты, что явно есть, так и фактически неточные, что тоже имеется. При этом оценка дается с позиций жесткой аргументации; примеров по ходу оценки достаточно, даны и точечные отсылки / цитации. Например, «В параграфе «Формирование стиля» автор высказывает некоторые общие суждения о стиле А.П. Чехова, но практически не подкрепляет их конкретными примерами, из-за чего они могут остаться для школьника «абстракциями» («импрессионизм», «натурализм» Чехова и т.д.) [4, с. 424–428]. Не вполне ясно, почему, по мнению автора главы, рассказ «Студент» может быть понят как «свидетельство полного равнодушия автора к изображаемым героям и идеям, хотя автор сам упоминал его в качестве доказательства своего глубокого интереса к изображаемому, интереса к жизни и т.д.» [4, с. 429]», или «В изложении биографии А.П. Чехова встречаются некоторые неточности: автор главы пишет, что первые признаки чахотки появились в 1888 году [4, с. 413], однако первое кровохарканье произошло четырьмя годами ранее, о чем Чехов писал в письмах в декабре 1884-го (Н.А. Лейкину от 10 декабря, П.А. Сергеев от 17 декабря); о семье Чеховых: «...пятеро детей, а надеждой, утешением родителям всегда был только Антон» [4, с. 402] – детей в семье было шестеро (Александр, Николай, Антон, Иван, Мария, Михаил)» и т.д. Статья имеет

определенно научный тип наррации, основные требования издания учтены; материал явно практически ориентирован. Считаю, что критические «наблюдения» автора о том, как рассмотрен вопрос преподавания творчества А.П. Чехова могут стать подспорьем при написании статей подобной тематической (!) направленности. Обзор, на мой взгляд, полновесен, целостен, информация приводится объективно и выверено. Считаю, что цель работы планомерно достигается, поставленные задачи решены. Итогом автор теззирует, что «начавшаяся в «Чеховском вестнике» в начале 2000-х гг. активная дискуссия о проблеме преподавания творчества А.П. Чехова в постсоветской школе и постсоветских вузах показывает, что с изменением социокультурной ситуации с рубежа 1990-х–2000-х по конец 2010-х гг. менялись и те вызовы, на которые пытались ответить в том числе сообщество ученых-чеховедов. В начале 2000-х появление новых учебников (не во всем совершенных, но всё же в целом выполнявших задачу создания адекватного времени представления жизни и творчества А.П. Чехова) в то же время сопровождалось проблемой их труднодоступности, особенно в провинции; широкое распространение интернета к концу 2000-х – началу 2010-х отчасти решило эту проблему, однако создало новую: на смену недоступности качественной информации в качестве главной проблемы пришло снижение уровня культуры чтения и критического мышления у школьников/студентов и, зачастую, у учителей/преподавателей...» и т.д. Материал имеет завершённый вид, авторская позиция понятна, доступна; основные критерии научного изыскания выдержаны. Рекомендую статью «А.П. Чехов в школьном и вузовском преподавании 2000-х–2010-х гг.: дискуссия в «Чеховском вестнике» к открытой публикации в научном журнале «Litera».